

За ужином Цин Янь сказал:

— Только что приходила Цюнянь. Она сообщила, что почти нашла работников. У нее на сорок му земли два человека, а у нас тридцать му, нужно и землю расчистить, и почву удобрить. Нам тоже понадобятся два человека. Она привела четверых из близлежащих деревень, все они хорошо знакомые земледельцы. Говорят, люди порядочные. Когда начнется подготовка полей, они сразу придут.

Цю Хэнянь кивнул и спросил:

— На какую плату договорилась Цюнянь?

Цин Янь ответил:

— По шестьдесят вэнь в день с человека, обед за наш счет, ночлег за их.

Цю Хэнянь, немного подумав, предложил:

— Можно обсудить с Цюнянь, чтобы мы с ней поочередно привозили обеды. Так будет проще.

Цин Янь улыбнулся:

— Я как раз об этом думал. Завтра с ней поговорю.

Цю Хэнянь посмотрел на него и сказал:

— Тогда я буду возвращаться через день в обед, чтобы помочь тебе готовить.

Цин Янь улыбнулся и коротко ответил:

— Хорошо.

Перед тем как лечь спать, они вдвоем немного почитали.

Чтение уже не вызывало у Цин Яня трудностей. На самом деле вначале ему было непривычно, но как только он освоил особенности структуры предложений и пауз этого времени, его навыки стали быстро улучшаться. Теперь он иногда даже сам брал книги и читал.

Однако вечерние чтения, когда Цю Хэнянь читал ему вслух, стали для них привычным ритуалом, от которого они не хотели отказываться.

Когда прочитали почти до конца, Цин Янь зевнул, в его глазах заблестели слезинки от усталости. Сняв с плеч верхнюю одежду, он собрался лечь. Он неосторожно зацепился пальцами за шнурок на нижней одежде, и тот развязался. Цин Янь, слегка опустив голову, пытался завязать его, но несколько попыток оказались неудачными.

Грубые, обветренные руки внезапно появились перед глазами Цин Яня и ловко завязали шнурок.

— Спасибо, — сказал Цин Янь, укладываясь на постель. Он закрыл глаза, готовясь уснуть.

Однако через некоторое время, поняв, что лампа все еще горит, он открыл глаза и заметил, что Цю Хэнянь сидит, привалившись к изголовью кровати, и внимательно смотрит на него, погруженный в свои мысли.

— Что случилось? — тихо спросил Цин Янь.

Цю Хэнянь пришел в себя, покачал головой и ответил:

— Ничего, — после чего встал и задул лампу.

Опустив занавески кровати, он тоже лег.

Цин Янь устроился на боку, выбрав удобное положение. Почувствовав, как теплое тело приблизилось сзади, а сильные руки обхватили его за талию, он в темноте улыбнулся. Мягко положив руку на руку Цю Хэняня, он наконец закрыл глаза и погрузился в сон.

После насыщенного дня Цин Янь спал крепко. Он не заметил, когда рука, лежавшая на нем, исчезла, а Цю Хэнянь накинул на себя верхнюю одежду, бережно поправил ему одеяло и, взяв лампу, ушел в соседнюю комнату.

Посреди ночи мужчина сидел там с книгой. Он то открывал ее, то с раздражением захлопывал.

В голове звучал голос Лю Фа:

— У старшего Ли невестка такая красавица, белая и нежная, словно вода. Не только в их деревне, но и в окрестных мужики по ней сохли. А ее муж — тряпка, жену удержать не смог. Один местный лоботряс ее увел. Мужик пошел разбираться, а жена собрала узелок и сбежала с тем парнем среди ночи. Власти вызывали, но найти их так и не смогли. Теперь он один, жалкий, несчастный, что говорить...

Щелк. Страницы книги снова начали стремительно перелистываться.

Внезапно он остановился на одной из них, вглядываясь в текст долгое время. Затем закрыл книгу, и его напряженные брови слегка разгладились.

...

Прошло два дня, и губы Цин Яня полностью зажили от яблок.

Тетя Ли, которая несколько дней не выходила из дома, наконец показалась на улице. Она принесла Цин Яню бутылочку с духами, которые сама изготовила.

Цинь Ян понюхал аромат из маленького фарфорового флакона, и его глаза засияли.

— Тетушка, этот аромат потрясающий! Немного нанести на кожу, и при каждом шаге будет тонкий шлейф аромата. Уверен, и девушки, и геры будут в восторге! — с улыбкой сказал Цин Янь.

Тетя Ли, довольная похвалой, ответила:

— Этот аромат сделан из прошлогодних осенних бутонов, поэтому он довольно простой. Но как только весной снова распустятся цветы, я соберу больше и попробую создать разные запахи.

Цин Янь рассмеялся:

— Отлично, весной я помогу вам собирать.

Материалов было немного, а в процессе экспериментов много ушло впустую. Поэтому первая партия духов получилась совсем крошечной. Тетя Ли даже себе не оставила ни капли, несмотря на все уговоры Цин Яня, отдала весь флакон ему.

Он попробовал нанести немного за ушной раковиной. Аромат цветов сопровождал его весь день, только к вечеру начал слегка выветриваться.

Когда Цю Хэнянь вечером вернулся, он, уткнувшись в волосы Цин Яня, долго принюхивался и сказал:

— Очень приятно пахнет.

Цин Янь слегка наклонил голову, обнажив белую шею, и указал на место за ухом:

— Вот здесь. Я нанес духи, которые дала тетюшка Ли.

Сказав это, он уже собирался зачерпнуть из котелка суп с тофу и морской капустой, но внезапно сильные руки обхватили его за талию. Теплые губы коснулись кожи за ухом, оставив легкий поцелуй, а затем отпустили, оставив Цин Яня с пылающим лицом. Лишь после этого Цю Хэнянь сам занялся разливом супа.

На следующее утро Цин Янь пошел к деревенскому колодцу за водой.

На деревьях уже появились нежные почки. После нескольких дней сильного ветра земля подсохла, и дороги стали более проходимыми. Лед, покрывавший край колодца, давно растаял, обнажив естественный цвет камня, больше не вызывая холодного чувства.

Цин Янь привычно вытащил два ведра воды. Когда он поднял коромысло, чтобы нести их обратно, он заметил худую, сгорбленную фигуру, медленно приближающуюся к колодцу. Это был Шэнь Вэнь.

Тот шел, опустив голову, и не поднимал взгляда. Подойдя к колодцу, он снял коромысло, чтобы набрать воды. Цин Янь заметил, как на тонких руках Шэнь Вэня проступают вены, и сразу поставил свое ведро на землю:

— Давай я помогу.

Они вместе вытащили два ведра воды. Цин Янь хотел сказать ему еще пару слов, но Шэнь Вэнь, не поднимая головы, повернулся и молча ушел.

Цин Янь замер на мгновение, издав короткое «эй». Шэнь Вэнь, не оборачиваясь, остановился с коромыслом на плече и спросил:

— Какой сегодня день?

Цин Янь, словно автоматически, ответил:

— Сегодня двадцать седьмое.

Шэнь Вэнь, стоя спиной к нему, кивнул и тихо произнес:

— Осталось девять дней.

— Какие девять дней? — хотел было уточнить Цин Янь, но Шэнь Вэнь на этот раз не задержался, а медленно продолжил свой путь.

Цин Янь смотрел ему вслед. Его хрупкая, одинокая фигура, едва державшаяся под холодным

ветром ранней весны, напоминала сухой, мертвый лист, оставшийся с прошлой зимы.

Когда тот ушел, Цин Янь задумчиво посчитал на пальцах и внезапно осознал:

— Это он о том, что до свадебного пира семьи Лю осталось девять дней?

...

Старуха Ван и ее сын Ван Хэяо сидели во дворе за каменным столом, разговаривая и щелкая семечки. Оболочки семечек, смешанные со слюной, разлетались на землю.

Когда Шэнь Вэнь вошел во двор с двумя ведрами воды на коромысле, старуха Ван сплюнула в его сторону и резко выкрикнула:

— Что ты там возишься? Неужели ждешь, пока я сама приготовлю обед?

Шэнь Вэнь осторожно снял коромысло с плеч. Ведра с водой с глухим стуком опустились на землю, заставив его самого слегка покачнуться под тяжестью. Когда он поднял лицо, стало видно, что оно покрыто синяками и опухолями. Почти не осталось участка кожи без повреждений.

Увидев его лицо, старуха Ван пришла в еще большую ярость:

— Проклятие ты наше, звезда невезения! Каждый раз, как на тебя гляну, раздражаюсь. Жалкий раб, почему тебя до сих пор не убили?!

Шэнь Вэнь опустил голову и, не проявляя никаких эмоций, поднял ведра. Он прошел в пристройку, вылил воду в бак, затем принялся растапливать печь, чтобы приготовить еду.

Ван Хэяо, наблюдая за этим, обратился к матери:

— Ты же обещала найти мне наложницу. Сколько уже об этом говоришь, а я видел хоть что-то?

Старуха ткнула сына пальцем в лоб:

— Да хоть бы и нашла тебе ее! Может, ты перестанешь каждый день в кабаке ночевать и домой не приходите. Но где деньги взять на наложницу? Да ты видел, что в амбаре почти пусто! На днях я купила в городе старый заплесневелый рис, чтобы хоть как-то продержаться. Мы уже сами на еду наскрести не можем, а ты все о наложнице мечтаешь!

Помолчав, она добавила:

— Я же просила тебя недавно найти, кому бы сдать наши сорок му земли в аренду. Как там дела?

Ван Хэяо недовольно пробормотал:

— Спрашивал уже, никто не хочет арендовать.

Услышав это, старуха Ван нахмурилась:

— Как это никто? Мы же такую низкую цену за аренду назначили!

Ван Хэяо промолчал. Его собутыльники как-то рассказали ему, что в деревне никто не решается брать его землю в аренду. Люди боятся, что он устроит скандал во время сбора урожая, и тогда их труд за год окажется напрасным.

Старуха вздохнула в раздумьях:

— Может, снова пойти и выбить денег у того урода? Землю ведь самому засеивать придется, а на семена и удобрения все равно нужны деньги.

Лицо Ван Хэяо мгновенно омрачилось. Он выругался:

— Этот выродок! В прошлый раз, когда я к нему ходил, он сказал, что больше ни копейки мне не даст. — его голос дрожал от злости. — Подожди, однажды я заставлю его пожалеть об этом!

На ужин подали лишь кашу из плесневелого сорго, тарелку жареной дикорастущей травы и немного солений. Ни мяса, ни тем более вина не было. Чем больше Ван Хэяо ел, тем мрачнее становилось его настроение.

Пужинав, он понял, что денег, чтобы сходить в игорный дом, у него нет. Оставшись без дела, он начал бродить по деревне. Услышав шум карточной игры из одного дома, он, не стесняясь, вошел туда.

Сидя за столом, он лишь наблюдал за игрой. Руки чесались схватить карты, но карманы были пусты. Когда кто-то из игроков принес выпивку, Ван Хэяо не устоял. Набравшись наглости, он напросился на полкувшина вина.

Он пил каждый день, но пьянел все быстрее. Полкувшина хватило, чтобы он начал шататься и едва держался на ногах. Хозяйка дома несколько раз бросала на него недовольные взгляды. Ее муж, заметив эти знаки, отложил карты и сказал:

— Уже поздно, все, хватит на сегодня.

Ван Хэяо вышел из дома. Делать было нечего, он остановился на улице в полной растерянности. Через какое-то время он понял, что из дома больше никто не выходил — карточный шум и смех за спиной снова ожили. Выходит, его просто завуалированно выставили за дверь.

Ван Хэяо выругался, свернул с дороги и поспешил домой. В доме было темно — масляные лампы жалели зажигать, все уже спали.

Он вошел в пристройку, на ощупь нашел кухонный нож и снова вышел на улицу.

Дойдя до дома, где только что играли в карты, он остановился у ворот. Изнутри доносились голоса и смех. Стиснув зубы, он решил ворваться и «проучить» их. Он уже прошел во двор и подошел к самой двери, но в последний момент остановился.

В доме было минимум четыре-пять мужчин, и он знал, что один против них не справится.

Задыхаясь от злости, Ван Хэяо выбрался из двора и начал нервно ходить взад-вперед по улице. Наконец, его лицо исказилось от ярости, и, сжимая нож, он прошептал себе под нос:

— Не дадите мне жить спокойно? Тогда и я вам не дам! Не хотите давать мне деньги? Ну, я сейчас пойду и прикончу этого урода!

Произнося эти слова, он направился к западной части деревни. В пьяной голове уже начала складываться картина: урод мертв, дом, кузница и земля переходят к нему. А тот молодой гер, что недавно стал членом семьи, такой свежий и нежный, будто только что проросший лук, тоже окажется в его власти. Он уже предвкушал, как трахнет маленького красавца так сильно, что тот не сможет целый день вставать с постели!

Деревня была небольшой, и путь занял меньше получаса.

Окружение утопало в темноте. Лишь в паре домов горели лампы. Ван Хэяо осторожно встал на цыпочки и заглянул во двор. Увидев, что окна дома не освещены, он приободрился.

Он попытался перелезть через стену, но та оказалась выше его роста. Да и пьянство сделало его движения неуверенными. После нескольких неудачных попыток он с досады несколько раз ударился головой о стену. Боль ненадолго привела его в чувство, и, собрав все силы, он снова попытался взобраться. На этот раз ему удалось.

Едва он перебросил одну ногу через стену, как заметил пару светящихся глаз, смотрящих на него из темноты внизу.

Крик замер у него в горле, когда раздался оглушительный лай собаки. Те светящиеся глаза взметнулись вверх, и в следующий миг он почувствовал резкую боль в ноге. Ван Хэяо не удержался, упал обратно за стену и с громким стуком рухнул на землю. Боль была такой сильной, что на мгновение перед глазами все потемнело. К счастью, собака разжала пасть и отпустила его.

Во дворе раздался звук открывающейся двери, за которым последовал низкий, ледяной голос:

— Кто здесь?

Ван Хэяо, зажав рот рукой, побледнев от страха, поднял упавший на землю кухонный нож. Сдерживая боль, он хромая побрел в сторону своего дома, стараясь как можно быстрее скрыться.

Во дворе взгляд Цю Хэняня медленно скользнул по каждому уголку. Не услышав ответа, он направился к воротам.

В курятнике проснулись цыплята, тревожно кудахча.

— Эр Си! — строго окликнул Цю Хэнянь пса, яростно лающего в сторону улицы. Желтая собака тут же послушалась, прекратив лай, но продолжила тереться головой о его руку. Куры тоже постепенно успокоились.

Цю Хэнянь успокаивающе погладил Эр Си по голове, затем открыл ворота и выглянул наружу. На дороге стояла полная тишина, вокруг не было ни души. Этой ночью не было луны, тьма поглощала все вокруг, и на земле невозможно было разглядеть следов.

Он постоял у ворот еще какое-то время, убедился, что ничего подозрительного не происходит, затем запер их на засов и направился в подсобное помещение. Там он нашел оставшуюся кость и бросил ее Эр Си.

Вернувшись в дом, он запер входную дверь, тщательно вымыл руки, вытер их насухо и только после этого прошел в спальную комнату.

В комнате не горел свет, но глаза Цю Хэняня уже привыкли к темноте, и он отчетливо различал обстановку. На кровати висел полог, скрывавший фигуру лежащего человека.

Мягкий, чуть слышный голос молодого парня донесся из-за полога:

— Почему Эр Си лаял? Что там произошло снаружи?

Цю Хэнянь снял верхнюю одежду и положил ее на стул рядом. Он откликнулся:

— Ничего страшного, наверное, дикая кошка.

— Охотник Лю в этот раз надолго уехал к родным? Я хочу, чтобы Эр Си остался у нас на несколько дней, — спросил гер.

Цю Хэнянь, наклоняясь, чтобы снять обувь, ответил:

— В это время он не будет ходить в горы. Если тебе нравится, пусть Эр Си побудет у нас несколько дней. Когда он вернется, я поговорю с ним.

— Если ты хочешь завести собаку, у Сяо Чжуана скоро щенки появятся. Тогда я попрошу одного для тебя, — добавил Цю Хэнянь, выпрямляясь и отодвигая полог кровати.

В темноте силуэт на кровати и поза, в которой находился человек, заставили руку Цю Хэняня, державшую полог, невольно напрячься. Его адамово яблоко слегка дернулось, а глаза сузились.

— Ты такой медленный, — с нежным капризом произнес Цин Янь, обращаясь к нему.

— Мм, — голос Цю Хэняня стал глубоким и хриплым. Он поднялся на кровать, и его рука отпустила полог, скрывая их от внешнего мира.

Один поцелуй сразу же обрушился вниз. Цин Янь поднял свой изящный подбородок, отвечая на него. В перерывах между поцелуями он неясно пробормотал с жалобой:

— Руки такие холодные.

— Потерпи немного, — голос Цю Хэняня едва слышно перешел в дыхание.

Через некоторое время мазь от долгого втирания превратилась в жидкость, наполняя воздух теплым ароматом. Еще спустя полчаса пальцы на ногах Цин Яня напряглись, и его тело дрогнуло.

Цю Хэнянь убрал руку, снова поднялся с кровати и, взяв полотенце, подошел к краю. Глядя на лежащего там человека, он стоял, вытирая пальцы один за другим.